

Арнольд Азрикан и его семья К столетию со дня рождения выдающегося певца

Голос этого тенора знаком очень многим, хотя далеко не все знают, кому он принадлежит: в до сих пор популярном кинофильме "Воздушный извозчик", снятом в далеком 1943-м году, Арнольд Григорьевич озвучил вокальную партию героя, в роли которого снялся артист Григорий Шпигель. Это ариозо Канио, фрагмент арии Вакулы и романс "Ноченька".

Правда, в 1937 году А.Г. Азрикан записал на пластинку два украинских романса "Ой, у полі нивка" и "Ой, за гаєм" (ее № 5230). Хранившийся в семье певца диск, к сожалению, был похищен; преданная памяти отца дочь Дина десятилетиями упорно ищет запись, ставшую раритетной. (Может быть, кто-то из наших читателей случайно сумеет помочь ей...)

Мы познакомились с Диной по переписке. После выхода моей книги о двухвековой истории Одесского театра оперы и балета я неожиданно получил письмо из Чикаго с очень теплым отзывом об этой работе и благодарностью за память об ее отце, представленном в книге. Завязалась переписка. Дина напомнила о приближающемся юбилее отца, чье искусство мне как театралу и меломану было хорошо знакомо. Рассказывала о семье, о судьбах родных, о том, что они с братом работают над книгой об отце и надеются издать ее в юбилейном году.

Она предложила написать воспоминания об Арнольде Григорьевиче. Я это сделал. Дина трогательно поблагодарила и включила их в готовящуюся к публикации работу. В ее искренних письмах многое показалось мне интересным, достойным внимания читателей. Конечно, юбилей лишь повод вспомнить о действительно выдающемся певце и артисте, о судьбах членов его семьи: в них отразилась наша общая история, история народа.

Арнольд родился в Одессе в 1906 году в бедной семье. Он был седь-

А. Азрикан – Хозе ("Кармен")

мым и последним ребенком. Двое умерли в раннем детстве. Старший брат погибнет в Одессе во время гражданской войны. Старшую сестру Софью в 1913 году отправят в Америку, в надежде, что вскоре к ней сумеют присоединиться другие. Этого не случится. (Забегая вперед, скажу, что во время второй мировой войны будут расстреляны фашистами две другие сестры вместе со своими большими семьями...)

Отец Арнольда тяжело болел и вскоре умер. Реализовать идею родителей отца смогут Дина и ее брат Дмитрий, но уже в начале девяностых. Они и сегодня с чувством глубокого удовлетворения вспоминают, например, двери, изготовленные дедом, которые еще в пятидесятые годы можно было видеть в Одессе...

Детство Арнольда было трудным, голодным. Он очень рано начал работать, в частности, в порту по ночам. Среди его друзей, между прочим, был его ровесник, будущий поэт Семен Кирсанов.

Голос у Арнольда заметили очень рано. Он начал петь в хоре мальчиков. Обычно после мутации такие дети теряют голоса (А. Рекемчук описал этот феномен в повести, посвященной юным хористам знаменитого коллектива А.В. Свешникова). Азрикану повезло — он из редких счастливых, сохранивших вокальные данные. Семья жила в Театральном переулке. Это способствовало тому, что Арнольд рано примкнул к театральной молодежи.

В 17 лет его зачислили в хор Одесского театра оперы и балета. В жизни молодого человека случился, как говорит Дина, "первый и скоротечный ранний брак — его жена была против увлечения мужа пением, после года совместной жизни они разошлись". (От этого брака остался сын Аркадий, который умер в 1997 году.)

В 1926 году Арнольд поступает в Одесскую консерваторию, в класс Меннер-Каневской. Обучение он завершит у заведующей кафедрой сольного пения, основательницы одесской вокальной школы Ю.А. Рейдер. В дальнейшем, уже в годы работы в Харькове, Азрикан совершенствовался у итальянского педагога Карло Баррера (недавно мне подарили фотографию этого певца в роли Радамеса в 1903 году, когда он пел в Одессе; на ней автограф с посвящением певице Н. Милановой, жене маэстро И.В. Прибика).

Между прочим, солистка Одесской оперы М.Н. Лозинская рассказывала мне, что этот итальянский педагог консультировал и одесских певцов, в частности, знаменитого Кипоренко-Доманского, коллегу и соперника Азрикана. Между этими большими вокалистами были хорошие отношения, ибо оба отличались благородством.

Но вернемся к началу карьеры Азрикана. Впервые на него обратили внимание как на солиста в скромной партии Натанаэля, друга главного героя в единственной опере Жака Оффенбаха "Сказки Гофмана". За нею сразу последовала одна из ответственных партий тенорового репертуара — партия Калафа в последней, неоконченной опере Джакомо Пуччини "Турандот", которая в то время была... современной — одесскую премьеру от смерти композитора отделяли всего несколько лет.

Позднее в репертуар Азрикана войдут практически все основные (кроме вагнеровских) теноровые партии мировой оперы, как лирические, так и драматические. Дело в том, что у певца был голос обширного диапазона со свободным верхом, насыщенным нижним регистром, красивым тембром. Такие голоса называют баритональными тенорами. К ним относятся голоса Никандра Ханаева, Юрия Кипоренко-Доманского, Сергея Данченко, Марио дель Монако, Владимира Атлантова, Грайра Ханеданьяна, Анатолия Капустина, например (хотя, конечно, ставить этих вокалистов в один ряд можно лишь условно).

Из русской оперной классики Азрикан поет Собинина, Германа, Садко, Самозванца, Владимира Игоревича, Владимира Дубровского, Андрея ("Мазепа"), а рядом два Андрея в украинской классике — "Тарасе Бульбе" и "Запорожце за Дунаем", Петр в "Наталке-Полтавке".

Он не отказывается от участия в современных операх отечественных авторов (на это не все вокалисты шли охотно) — "Перекоп" (Павел), "Орлиный бунт" (Хлопуша), "Тихий Дон" (Григорий), "Поднятая целина" (Давыдов), "В бурю" (Ленька).

Зарубежная классика в его репертуаре представлена партиями Ионтека, Рауля, Фауста, де Грие, Радамеса, Манрико, Арриго, Пинкертон, Каварадосси, Канио, Туридду, наконец, Отелло, но о последнем персонаже подробнее чуть позже.

После нескольких лет работы на одесской сцене Азрикан принимает приглашение в харьковский, тогда столичный оперный театр, а затем, в 1934 году, — в киевский, который в том году становится столичным. В Киеве певец проработает до начала Великой Отечественной. Работал Азрикан интенсивно, на высоком творческом уровне, что было отмечено присвоением ему тогда редкого звания заслуженного артиста республики. Но звания дают, в конце концов, чиновники. Об артисте много более говорят его коллеги и творческие привязанности.

Только большой художник может быть отмечен признанием таких замечательных дирижеров, как Арий Пазовский, Самуил Столерман, Арнольд

Маргулян. В числе любимых партнеров Азрикана выдающиеся мастера — Мария Литвиненко-Вольгемут, Оксана Петрусенко, Зоя Гайдай, Фатьма Мухтарова, Александра Ропская, Михаил Гришко, Михаил Донец, артисты Большого театра Вера Давыдова, Мария Максакова, Наталья Шпиллер, Павел Лисициан. Павел Герасимович очень любил петь с Арнольдом Григорьевичем, всегда просил, чтобы того назначали в его гастрольные спектакли. Дина говорит, что особенно ярким был их "дуэт" в "Аиде".

Я уже упоминал, что Азрикану приходилось делить репертуар с Кипоренко-Доманским. Жена Юрия Степановича Полина Александровна Доманская не любила слушать других теноров, кроме мужа, но для Азрикана делала исключение: не однажды приходила за кулисы благодарить, поздравлять... В Киеве Азрикан впервые спел Отелло, в дальнейшем пел эту партию в очередь с Юрием Степановичем (замечу, что Кипоренко из уважения к супруге, ради него покинувшей сцену, присоединил к своей фамилии жены; кстати, сам он писал *Доманский* — я видел его автографы, но в литературе почему-то закрепилось написание *Даманский*).

Конечно, наиболее значительные творческие силы сосредоточивались тогда в Большом театре, о котором мечтали почти все мастера оперной сцены. Арнольд Григорьевич приезжает в Москву, успешно дебютирует в "Тоске", но приглашения в труппу не получает: "У нас уже есть один премьер — еврей, но он хотя бы член партии. Большой театр не может себе позволить двух премьеров — евреев. Возвращайтесь в Киев, поступайте в партию, а потом приезжайте в Москву, будете работать в Музыкальном театре Станиславского и Немировича-Данченко".

До начала войны остается около недели. Приехав в Киев, Азрикан, естественно, в Москву вернуться не мог. Он эвакуируется в Сибирь вместе с Киевской оперой. В годы войны Арнольд Григорьевич не только поет в операх, но участвует во фронтовых бригадах: он принял участие более чем в двухстах (!) концертах в госпиталях перед ранеными воинами.

После окончания войны Азрикан работает в Свердловске, Баку, Кисине, Одессе, много гастролирует. Дочь даже называет его "гастрольным певцом с длительными периодами работы в театрах".

В начале 1946 года певец принимает участие в постановке "Отелло" в Свердловской опере. Спектаклю суждено стать событием в музыкальной жизни страны. Известный музыковед Игорь Бэлза писал в "Известиях": "Дирижер народный артист РСФСР и УССР А. Маргулян раскрыл богатство и шекспировскую мощь партитуры Верди... Заслуженный артист республики Азрикан в роли Отелло создал впечатляющий образ. Голос

певца — драматический тенор — как нельзя более подходит к этой партии... Мастерство Азрикана проявилось и в исполнении вокальной партии, и в сценическом раскрытии образа Отелло, благородного, цельного в своих чувствах. Постановка "Отелло" — настоящая творческая победа".

Совершенно закономерным стало присвоение этой постановке Сталинской премии, которую позднее станут стыдливо именовать Государственной. Один из лауреатов — Азрикан.

Арнольд Григорьевич был не только исполнителем, в нем жило режиссерское начало. Вспомним здесь, например, Н.П. Савченко, С.Я. Лемешева, Д.А. Донатова, Е.В. Образцову. Эти замечательные артисты ставили оперные спектакли. Азрикан поставил "Отелло" в Саратове (1951), Баку (1952), Куйбышеве (1959), Кишиневе (1964), "Иоланту" в Баку (1953), "Манон Леско" в Баку же (1956).

С середины и до конца пятидесятых годов Арнольд Азрикан поет в одесском оперном. Был успех у слушателей, у коллег и гастролеров, в частности, в спектаклях с участием блистательной румынки Елены Черней, тогда солистки знаменитого театра Метрополитен-опера (Нью-Йорк). Но далеко не все в судьбе певца складывалось так, как должно было бы для художника такого масштаба, как Азрикан.

Далее хочу предоставить слово непосредственному свидетелю — Дине Азрикан. Это будет своеобразный монолог, который сложился из фрагментов ее разных писем.

"Злая судьба. Отец попадает в мясорубку зависти, ненависти, травли... Ему не дают квартиру, объясняя это тем, что он строит дачу... Ему предлагают вступить в партию, чтобы покрыть пятую графу. Он отказывается от этого предложения, бросая в лицо партийному боссу, что он, Азрикан, не пьет, в карты не играет, и ему нет нужды прикрываться партбилетом (прикрываться нужно было самому боссу. — **В. М.**). Этому отцу не простили. Дрязги, склоки, бойкоты... Все это завершилось тем, что — по иронии судьбы — после большого успеха в спектаклях с Черней отца выводят на пенсию и отправляют в Измаил... руководить Домом культуры. И это при полной силе голоса и в здравии... Это повергло в клиническую депрессию маму (артистка балета Роза Копп, они с Азриканом познакомились в одесском оперном, она оставила сцену после рождения сына Дмитрия. — **В. М.**), из которой она уже не вышла до конца жизни, а меня, подростка, выбросило из жизни — я не хотела ходить в школу, я не понимала, почему папа не распевается по утрам, не поет вечером в спектаклях на сцене, а по ночам стоит у окна... Такое не забывается...

Папа был уязвим: нас разыскала его сестра, которая жила в Америке, он переписывался с нею... Всегда говорил то, что думал, говорил правду, а этого не прощают... Отец был далек от политики, был предельно честен и независим. Будучи беспартийным евреем, он никогда, простите, не лизал ничьи зады. Всегда высоко ценил чувство собственного достоинства... Как и отец, я русская по культуре, языку, но я — безусловно, еврейка, когда спрашивают: кто ты? (У одного мудрого поляка есть высказывание о родстве по крови в жилах и родстве по крови из жил. — **В. М.**)

Мы родились и прожили там, где было суждено, жили честно, отдавали все, что могли... Мой отец никогда никого не предавал, многим помогал чем мог...

В 1990 году в Москве перед самой моей эмиграцией меня нашла сотрудница киевского музея. Я в порыве отчаяния (мне не разрешили, например, вывезти пианино отца, за вывоз его афиш я должна была платить Минкульту, который отцу и места на кладбище не дал, — мы были вынуждены кремировать отца вопреки его воле), подарила для музея бесценные фото партнеров отца — Литвиненко, Петрусенко, Ропской, Гайдай, Шпиллер, Пазовского, Смолича, Рахлина, Мухтаровой с их автографами, полными признания его таланта "Выдающемуся тенору", "Любимому партнеру", "Моему лучшему Хозе"...

Прах отца я привезла в Чикаго, похоронила на еврейском кладбище, к сожалению, еще раз не выполнив завет отца — он хотел, чтобы при погребении звучала Молитва из "Пиковой дамы"... Я задумала книгу об отце, чтобы хоть отчасти искупить вину перед Ним... Свою и других... Он пел для людей около полувека. У него была своя публика, которая его обожала. Он знал успех, оvation, признание. Хотя мог бы петь больше, петь на больших сценах, шире гастролировать, сделать значительно больше записей, удостоиться широкого признания в прессе...

...А как его любили ученики! Как охотно они откликнулись, когда мы начали работать над книгой об отце, сколько добрых слов в их воспоминаниях... Он копейки не брал за свои уроки, ставил людям голоса, приводил домой бедных хористов, оркестрантов, подкармливал, обогревал теплом участия... С какой любовью писали ученики об отце, человеке и певце, восторгались его душой и голосом... Я плакала, читая их воспоминания.

...Совсем недавно случайно обнаружила на интернетовском сайте Муслима Магомаева добрые слова о голосе отца... Я плакала, читая слова признания...

...Вы так точно охарактеризовали его Отелло, написав о кризисе дове-

рия. Это ведь и к самому отцу относится — КРИЗИС ДОВЕРИЯ... Мы даже могли бы так назвать нашу книгу об отце... Мы с братом (Дмитрий — промышленный дизайнер, кандидат искусствоведения, профессор. — **В. М.**) издаем книгу за свой счет... Дети Азрикана, мы не имеем своего бизнеса, выживаем своим трудом (Дина — филолог-славист, училась и работала библиотекарем в Москве. — **В. М.**)... Счет наш скромный, денег нет даже на корректора, делаем многое сами, помогает и профессионализм моего мужа... Живем надеждой увидеть книгу изданной в нынешнем году... Не скрою, что боюсь не успеть. Ведь каждый день езжу на машине, например... В завещании дочери прошу ее в любом случае завершить работу над книгой... Мы разошлем ее по театрам, консерваториям. Пусть молодые узнают об отце... Готовим и английский перевод...

...Изучаю архив отца, знаю его врагов, но не хочу называть их поименно. Дело не в сведении счетов, а в увековечении памяти большого артиста и человека... Он родился "не там и не тогда", но это была его жизнь, которую он прожил достойно... Он искрился талантом, щедро дарил его другим, как истинный небожитель... Вечная Ему память".

Трудно не согласиться с дочерью, преданной памяти отца. И хочется от души пожелать ей и ее брату успеха в их благородном деле.

